

Нас в детском саду и школе растили, учили и воспитывали в основном женщины. Много ли каждый из нас вспомнит мужчин среди воспитателей детских садов? Ни одного. Среди учителей школы, если попадались три–четыре мужика – считай, повезло. Много ли сил к нашему воспитанию прилагали дедушки? Согласитесь, в основном этим занимались бабушки. Поэтому восьмой день весны можно смело отнести еще и к празднику работников дошкольных, школьных учреждений и бабушек.

Вспомним, как мы праздновали День борьбы за освобождение женщин.

Праздник 8 Марта многие советские семьи отмечали примерно одинаково. Мужская часть семьи готовила женской части подарки, открытки, мимозы (это такие некрасивые цветы, с гроздьями желтых шариков вместо соцветий и листьями, похожими на папоротник), мыли посуду и делали уборку в квартире. На работе женщинам вручали грамоты за трудовые успехи, а вечером все садились за праздничный стол отмечать еще один политический праздник. Салат оливье, винегрет, селедка под шубой, голубцы или картофель с отбивными, пельмени, иногда котлеты, квашеная капуста, маринованные грибы и соленые огурцы, «Советское шампанское» для женщин и водка мужчинам, детям компот и на десерт пирог с вареньем. Таким было основное меню на 8 Марта. За столом поздравляли мам, сестер, бабушек, теток и вспоминали всю родню. Пересказывали забавные истории, которые кочевали из праздника в праздник. Заканчивалось застолье тем, что мужчины напивались до состояния, когда им нельзя было доверить даже вынести мусор (могли не вернуться), а тем более мыть посуду. После праздника мимозы еще долго стояли в вазе на подоконнике, пока не начинали осыпаться желтой пылью.

В День весны мужчины старались быть по отношению к женщинам особенно вежливыми, учтивыми и галантными. В конце концов политический праздник прижился и стал обыкновенным, народным, получив название – Женский день.

Много историй мне приходилось слышать про замечательных женщин и становиться свидетелем их замечательности. Но, наверное, ни одна история не тронула моего сердца так, как про мою бабушку Елизавету Федотовну. Я приходился ей внучатым

племянником. Жила она в рабочем поселке Таврическое Омской области (в обиходе Тавричанка). Слыла одной из первых красавиц в Тавричанке, а мужа выбрала себе небольшого роста и хромого. У него одна нога при рождении оказалась на несколько сантиметров короче другой. Сорок лет отпахала в совхозе дояркой. Заработала себе пенсию в 12 рублей. Бабушке Лизе повезло: ее мужа из-за хромоты не забрали на войну. Они вырастили троих детей и, сколько я себя помню, все время работали: содержали большое подворье, кур, уток, гусей, двух коров, свиней и безбрежный (по моим детским впечатлениям) огород. Как бабушка Лиза умудрялась приводить еще дом к образцовой чистоте, ума не приложу. Если в ее хате появлялась муха – это была катастрофа. Сначала доставалось взрослым дочерям, затем мужу – деду Васе, а потом уже и другим, кто попадет под горячую руку. Муж Елизаветы Федотовны говорил так мало, что мне иногда казалось, что он немой. Однажды дед Василий, во время застолья, произнес несколько предложений подряд, воцарилась тишина, все посмотрели на него с удивлением, мол, что случилось? Бабушка Лиза была женщиной волевой, голосистой, хорошо пела, за словом в карман не лезла, могла крепко, наравне с мужиками, выпить самогонки и, главное, в ее руках все кипело, словно оживало. Всегда чисто и аккуратно одетая, с туго заплетенной уложенной косой – она попевала везде. Даже в своем немалом возрасте бабушка сверкала белозубой улыбкой и спокойно щелкала лесные орехи и пила горячий чай, аппетитно похрустывая комковым сахаром. Ее дочери запомнились мне веселым нравом и невероятной аккуратностью. От них всегда исходил приятный запах мыла. Ходить к ним в гости было для меня праздником. Бабушка Лиза особенно хорошо готовила кисель-желе из черной смородины. Его ели как лакомство. Затем лепили пельмени и варили их либо в говяжьем, либо в свином бульоне. На второй день бабушка готовила домашнюю лапшу на бульоне из только что освежеванной курицы. Дед Василий удивлял всех вокруг еще и тем, что не пил спиртного, никогда не повышал голос и тем более матерно не выражался. За него и за себя с лихвой старалась Лизавета Федотовна. Но делала она это мастерски и весело, будто бы и не ругалась вовсе.

Впервые мне в семилетнем возрасте на ее огороде довелось собирать колорадских жуков со стеблей картошки. Для чего мне вручили ведро на треть наполненное керосином, куда надо было бросать собранных жуков (те дохли в керосине). Однако мне явно не хватало опыта в сборе картофельных паразитов. Споткнувшись, я упал, опрокинув ведро с керосином на себя. Источая сильный керосиновый запах, я вернулся в святилище, место, где накрахмаленные занавески, скатерть и полотенце с рушниками ослепляли своей белизной, куда боялись залетать мухи со двора, и где тарелки содержались в такой чистоте, что казалось из них никогда не ели, а только мыли. Резкий керосиновый запах в хате произвел впечатление сигнала боевой тревоги. Гнев бабушки Лизы обрушился на всех, кроме меня. Ее более взрослые внуки, не успевшие ретироваться, выхватили несколько щедрых подзатыльников. Дочерям довелось выслушать длинную речь с переборами из крепких слов о том, как надо приглядывать за детьми, а мужу она рассказала, как надо воспитывать дочерей. Меня быстро помыли в большом тазу. Одежду, пропитанную керосином, сожгли. Взамен выдали шорты и рубашку с плеча ее более старших внуков. Больше меня собирать колорадских жуков не

посылали.

Спустя много лет, будучи курсантом третьего курса Высшего военно-морского училища, на каникулах я приехал в Тавричанку и сразу устроился работать на кирпичный завод в две смены, чтобы заработать побольше денег и помочь матери. Так что времени ходить по гостям не осталось совсем. Перед самым отъездом мы с матерью решили сходить в гости к бабушке Лизе. Только она не дождалась нашего визита, пришла сама. Елизавета Федотовна всплакнула, обняла и поцеловала меня. Хорошо помню ее руки: они выглядели настолько огрубевшими, что, сдавалось, кожу на них нельзя было прокусить. Изуродованные тяжелой работой пальцы рассекали глубокие трещины. На ладони линии жизни и судьбы едва угадывались под старыми, огрубевшими мозолями. Тогда у меня сердце зашло от жалости. Бабушка отвела меня в сторону и достала чистый большой платок с застиранными мелкими голубыми цветочками. Она его долго и терпеливо разворачивала. Внутри лежало десять рублей. «Славка, это только тебе. Обещай мне, что не отдашь матери. Знаю я тебя. Обещай!» Когда я наотрез отказался брать деньги, бабушка заплакала. По ее морщинистому, потемневшему на солнце лицу катились редкие слезы. Слезы попадали в глубокие морщины и скатывались не к подбородку, а к широким выступающим скулам. Она их вытирала тыльной стороной ладони и с горечью говорил: «Я же тебя не растила. Ты приезжал ко мне один раз в год. Ничем я тебе не помогала. И сейчас ты подался на заработки и ко мне даже не зашел. Обиделся, наверное? Прости меня, старую. Эти деньги я копила для тебя. Знала, что приедешь. Не обижай меня. Когда еще объявишься на побывку? Увидимся ли? Кто знает?»

Деньги пришлось взять. Потом по ее просьбе, чтобы «показаться» надел военно-морскую форму, чем вызвал новые нескучные слезы. Бабушке я подарил головной цветной платок. Деньги отдал матери. Тот червонец я помню до сих пор. Помню бабушкины огрубевшие от работы руки. Помню ее родное лицо и глаза, наполненные слезами. Ее слова прозвучали как голос родной земли. Я их часто вспоминаю. Наверное, вам знакомо ощущение, когда в детстве озябшие руки мама брала в теплые ладони и дышала на замерзшие пальцы? Бабушка Лиза подарила это чувство тепла. Оно всегда со мной.

Елизавета Федотовна прожила 87 лет. Схоронила мужа. Очень долго носила траур по нему, потому что сильно любила.

В женский день, так получилось, я всегда вспоминаю ее и благодарю искреннее, нежно и... запоздало.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ